

второй половине 1912 г. заработала фабрика, трудовой коллектив которой составили 30 служащих и 1700 рабочих [6].

На рубеже первого и второго десятилетий Макаровы предприняли ряд попыток расширения сферы предпринимательской деятельности. Сначала они с группой других бизнесменов попытались приобрести Сысертский горный округ, но эта сделка сорвалась. Несколько позднее Макаровы вместе Е.А. Олесовым и А.Е. Обуховым приобрели у наследников А.Ф. Поклевского-Козелл Тавдинскую лесную дачу, за которую им в 1917 г. было предложено более 2 млн. руб.

В целом, торговый дом «Братья Макаровы» развивался довольно успешно, постепенно превратившись в одну из крупнейших торгово-промышленных фирм урало-сибирского региона. Достижения на ниве коммерции и промышленного производства можно объяснить наличием у малограмотных братьев Макаровых явного предпринимательского таланта, выразившегося в умении принимать верные решения в труднейших ситуациях, в грамотном анализе рыночной ситуации и в умелом подборе кадров служащих. Стоит отметить, что в начале XX в. многие уральские предприниматели потерпели фиаско и были объявлены несостоятельными должниками. Макаровы, несмотря на падение покупательского спроса в годы депрессии и мощные убытки от пожаров, не только смогли избежать краха, но нарастили свой торгово-промышленный потенциал.

Торговый дом «Братья Макаровы» действовал в Екатеринбурге вплоть до июля 1919 г. Новое наступление Красной Армии заставило Макаровых свернуть предпринимательскую деятельность и эвакуироваться в Сибирь. Никаких иллюзий по отношению к Советской власти Макаровы не испытывали. Еще в 1918 г. двое сыновей Василия Макарова (Борис и Николай) были взяты в заложники и приговорены к расстрелу. Обои удалось сбежать, но Борис Макаров, получивший тяжелое ранение, вскоре скончался.

О судьбе рода Макаровых после 1919 г. достоверных данных не выявлено.

Примечания:

1. Зауральский край. 1914. 19 янв. С.3.
2. Бажов П.П. Наш город (из воспоминаний) // Свердловск. Свердловск, 1946. С.125.
3. Сибирский торгово-промышленный календарь на 1895 г. Томск, 1895. С.422.
4. Уральская жизнь. 1906. 17 сент. С.3.
5. ГАПК. Ф.111. Оп.2. Д.751. Л.326.
6. Голос Урала. 1912. 14 авг. С.2.

В. П. Мотревич
Екатеринбург

ЯПОНСКИЕ ВОИНСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В результате Второй мировой войны в советском плену оказалось 640 тыс. чел. из числа военнопленных японской армии. Во время нахождения в плену многие из них умерли и были захоронены на территории СССР. В апреле 1991 г. между СССР и Японией было подписано соглашение о лицах, находившихся в лагерях для военнопленных. В соответствии с ним Советский Союз обязался передать японской стороне списки умерших в советском плену японских военнопленных, а также материалы о местах их захоронения. Советская сторона также взяла на себя обязательство содействовать передаче Японии останков умерших в плену японцев во всех случаях, когда это представляется возможным. В соответствии с японским законодательством все расходы по проведению данных работ взяло на себя

Правительство Японии. Практическое решение данной проблемы было поручено Министерству здравоохранения Японии.

В Советском Союзе для решения вопросов, связанных с иностранными воинскими захоронениями, Министерством обороны СССР в ноябре 1991 г. также была создана специальная структура – Ассоциация международного военно-мемориального сотрудничества «Военные мемориалы». Ее задачами являлись организация поиска и учета иностранных воинских захоронений на территории страны, обеспечение сбора информации о воинских погребениях и персональном составе захороненных, проведение благоустройства мест захоронений как советских, так и иностранных военнослужащих, осуществление по заявкам заинтересованных сторон эксгумации останков и транспортировки их на родину, оказание помощи представителям других стран в посещении воинских захоронений и т. д.

Основная часть военнопленных японцев была размещена на Дальнем Востоке, однако примерно полтысячи из них были направлены на Средний Урал и находились здесь в 1946 – 1948 гг. в составе отдельных рабочих батальонов МО СССР № 428 и № 435. За время пребывания на территории области умерло 54 японских военнопленных. Все они были захоронены в тех районах, где дислоцировался ОРБ, либо находились его структурные подразделения. Японские военнопленные были захоронены в городах: Алапаевск – 1 чел., Артемовский – 6, Екатеринбург – 1, Нижний Тагил – 18, Сухой Лог – 20; в пос. Зеленый Бор Верхнепышминского района – 1 и на станции Поречье Туринского района – 7.

Первые шаги по решению проблемы эксгумации останков японских военнопленных, их идентификации, кремации и отправке на родину были предприняты на Среднем Урале в 1995 г. Им предшествовал приезд в Свердловскую область официальной японской делегации, поставившей перед местными властями данную проблему. В ходе этой поездки были определены в возможности проведения эксгумации на иностранном воинском кладбище в пос. Рудник им. Третьего Интернационала г. Нижний Тагил. После этого в августе 1995 г. на данном кладбище сотрудники Ассоциации «Военные мемориалы» в присутствии японской делегации и с помощью военнослужащих расположенной рядом воинской части провели все необходимые работы.

Кладбище спецгоспиталя № 2929 МВД СССР, на котором были захоронены военнослужащие японской армии, представляло собой расположенный в лесу и сильно заросший лесом и кустарником участок площадью 1,7 га. На нем было захоронено 1725 иностранных граждан, в том числе и 18 японцев.

Перед проведением эксгумации автором данной публикации были сделаны необходимые согласования с местными органами власти и управления. Кроме того, по кладбищенской схеме было определено место, где предположительно захоронены японцы, и проведена его расчистка от густой растительности. После этого стали отчетливо видны ряды могил, что позволило определить те из них, в которых по данным кладбищенской схемы были захоронены японцы. Местность, где проводилась эксгумация, была крайне неблагоприятна для ведения эксгумационных работ. Она была сильно заболочена, на глубине 50 – 70 см. находились подземные воды. Что касается останков, то они находились на глубине от 1,8 до 2,0 метров в деревянных гробах. Вскрытие показало, что специфический характер местности обеспечил сохранность не только гробов, которые для извлечения останков пришлось вскрывать, но и мягких тканей. В ходе работ выяснилось, что кладбищенская схема в основном соответствовала реальному залеганию

останков. Это позволило обнаружить нужные захоронения и провести эксгумацию останков 17 чел.

Что касается еще одного военнослужащего японской армии, то в указанной на кладбищенской схеме могиле находились останки европеоида. Вскрытие находящихся рядом с указанной могилой захоронений, а также захоронений всех, кто умер одновременно с разыскиваемым, не принесли ожидаемых результатов. Обнаруженные в ходе эксгумации костные останки складывались в специальные пластиковые мешки. Затем они маркировались и передавались присутствующему на эксгумации судмедэксперту. Тот проводил их идентификацию, сравнивая обнаруженные костные останки с данными истории болезни и кладбищенской схемой. После завершения эксгумационных и идентификационных работ в одном из цехов НТМК была проведена кремация обнаруженных останков. В дальнейшем они в торжественной обстановке были переданы японской стороне, проводившей церемонию поминовения.

В сентябре 1999 г. в Свердловскую область снова прибыла делегация Министерства здравоохранения Японии. Целью десятидневного визита было выяснение перспектив проведения эксгумационных работ на других иностранных воинских кладбищах. В ходе поездки были осмотрены все оставшиеся на территории Свердловской области места захоронения японских военнопленных. Результаты их были в целом неутешительные. Так, осмотр места захоронения в пос. Зеленый Бор Верхнепышминского района показал, что в настоящее время на месте кладбища вырос сосновый лес. Могильные холмики при этом не сохранились. В случае вскрытия всего участка, во-первых, неизбежно будут потревожены останки остальных захороненных военнопленных из состава других иностранных армий, а во-вторых, будут повреждены расположенные на участке деревья. Поскольку этот лес относится к первой группе, то получение разрешения на его вырубку – сложное и дорогостоящее занятие.

Невозможным оказалось проведение эксгумации и на Широкореченском кладбище в Екатеринбурге: на месте могил военнопленных там оказались более поздние захоронения. С аналогичной ситуацией делегация столкнулась и в г. Артемовском. Что касается крупного кладбища иностранных военнопленных в г. Алапаевске, то, хотя оно и сохранилось, но его кладбищенская схема была сделана некачественно. Это не позволяет определить нужное захоронение и сделать выборочное вскрытие.

Наиболее перспективными для ведения эксгумационных работ были кладбища военнопленных, расположенные в Сухоложском и Туринском районах. Это объяснялось, во-первых, большим числом захороненных на них людей, что увеличивало площадь разыскиваемого участка. Во-вторых, оба участка находились вне пределов городской черты, не вводились в хозяйственный оборот и, следовательно, имели больше шансов сохраниться.

В Сухоложском районе японское кладбище располагалось недалеко от районного центра возле железнодорожной станции Кунара. Место захоронения было определено на основании многочисленных показаний очевидцев, которые не противоречили кладбищенской схеме, составленной весьма небрежно. Могильные холмики на данном участке не сохранились. Проводимые нами на протяжении двух дней интенсивные поисковые работы, заключающиеся в прокладывании на территории предполагаемого места захоронения с помощью двух экскаваторов траншей с интервалом в три метра и глубиной до двух метров и устройстве шурфов за его пределами, не принесли ожидаемого результата.

Полученные в Сухоложском районе результаты позволяют сделать

вывод о том, что, по-видимому, виденное местными жителями кладбище военнопленных являлось муляжным. В пользу этого вывода говорит тот факт, что в сохранившейся объяснительной записке начальника расположенного в этой местности лагеря для военнопленных № 153 отмечалось, что кладбищенская документация отдельным рабочим батальоном ему не передавалась и место нахождения захоронения японцев ему не известно. А в более позднем акте, датируемом октябрём 1949 г., отмечалось, что на всех могилах, в которых захоронены японцы, имеются опознавательные знаки и могильные холмики, а само кладбище огорожено. Спустя еще три года это устроенное, по-видимому, для отчетности кладбище, которое и видели местные жители, по указанию органов МВД было распахано. Проведенные спустя 60 лет интенсивные поисковые работы делают данное предположение достаточно весомым.

Не увенчались успехом и поиски японского кладбища в Туринском районе. Оно располагалось в пяти километрах севернее железнодорожной станции Поречье. Кладбище находилось в глухой, лесисто-болотистой тайге, и уже в 1952 г. при осмотре органами МВД обнаружено не было. Весьма приблизительно, практически без четких ориентиров, была составлена и кладбищенская схема. Проведенные на основании этой схемы местным поисковым отрядом «Тайфун» работы, заключающиеся в закладке в наиболее перспективных местах шурфов, широкого применения бура и шупов, не принесли положительного результата.

Таким образом, в настоящее время на территории Свердловской области из 54 захороненных военнослужащих японской армии удалось эксгумировать, идентифицировать, кремировать и отправить на родину останки 17 чел. Поиск останков в остальных умерших японских военнопленных не представляется возможным, без получения каких – либо дополнительных сведений.

Е.Е. Муравьева
Екатеринбург

СОВЕТСКИЙ ЖУРНАЛИСТ ПЕРВОГО ПРИЗЫВА

Личность П.П.Бажова многогранна: автор «Малахитовой шкатулки», председатель Свердловского отделения Союза советских писателей, депутат Верховного Совета СССР. Деятельность его как журналиста остается немного в тени. Между тем это одна из значительных вех в его творческой жизни.

Родился Бажов в 1879 г. в г. Сысерть в семье рабочего пудлингово-сварочного цеха. После 3 классов заводской школы он уезжает учиться в Екатеринбург в мужское духовное училище. Затем учится 6 лет в Пермской духовной семинарии и работа учителем русского языка на протяжении почти 18 лет.

Вряд ли мы могли говорить о Бажове-журналисте, если бы не революция, которая круто изменила жизнь учителя русского языка. Небольшой опыт журналистики у него все же был: мелкий репортаж в пермских газетах (заработок помогал ему продолжить учебу), статья «Д.Н.Мамин-Сибиряк как писатель для детей» (Екатеринбургские епархиальные ведомости, 1913 г.). Но становление Бажова-журналиста происходит с революцией, к которой П.П.Бажов подходит зрелым человеком, имея за плечами опыт педагогической деятельности.

В октябре 1917 г. в газете «Заря народоправства» (позднее «Известия Камышловского уездного Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов») публикуется статья П.П.Бажова «Опомнитесь» под